

Гайденко Павел Иванович

СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ МОНАСТЫРСКОГО "УДЕРЖАНИЯ" В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Древнерусские монастыри с первых десятилетий своего возникновения выполняли множество разнообразных функций. Среди обязанностей, возлагавшихся на иноческие общины, особенно выделяются пенитенциарные функции: удержание в монастырях некоторых представителей духовенства и княжеского рода. Однако, если в отношении XV-XIX вв. эта сторона деятельности Русской Церкви хорошо изучена, то в отношении домонгольского периода данный вопрос ещё только находится в начале своего разрешения. В представленной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые спорные аспекты деятельности древнерусских обителей XI-XIII вв. по удержанию в их стенах знатных узников.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 62-65. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 271.2-9+94

Исторические науки и археология

Древнерусские монастыри с первых десятилетий своего возникновения выполняли множество разнообразных функций. Среди обязанностей, возлагавшихся на иноческие общины, особенно выделяются пенитенциарные функции: удержание в монастырях некоторых представителей духовенства и княжеского рода. Однако, если в отношении XV-XIX вв. эта сторона деятельности Русской Церкви хорошо изучена, то в отношении домонгольского периода данный вопрос ещё только находится в начале своего разрешения. В представленной статье предпринята попытка рассмотреть некоторые спорные аспекты деятельности древнерусских обителей XI-XIII вв. по удержанию в их стенах знатных узников.

Ключевые слова и фразы: Древняя Русь; древнерусское монашество; каноническое право в Древней Руси; монастырское заключение на Руси; пенитенциарные практики на Руси; церковный суд в Древней Руси.

Гайденко Павел Иванович, д.и.н., доцент

Казанский национальный исследовательский технологический университет
prof.gaydenko@rambler.ru

СПОРНЫЕ АСПЕКТЫ МОНАСТЫРСКОГО «УДЕРЖАНИЯ» В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В историографии неоднократно высказывалось мнение о том, что древнерусские монастыри с самого момента своего основания выполняли пенитенциарные функции, являясь местом заключения лиц, виновных в различного рода преступлениях или представлявших политическую опасность. При всей обоснованности данного тезиса в отношении XV-XVIII вв. [23; 25, с. 40-47; 31], применительно к более раннему, домонгольскому, периоду истории Русской Церкви, высказанное суждение нуждается в существенных оговорках и уточнениях.

Действительно, уже в первые столетия христианства на Руси жизнь древнерусских обителей была отмечена пребыванием в их стенах лиц, подвергавшихся каким-либо политическим обвинениям. Так, в 1138 г. в результате отстранения от власти князя Святослава Ольговича, он сам и его супруга были помещены в монастыри. Святослав удерживался Мстиславичами «на Смядыне в монастыре», а его жена в обители св. Варвары [20, с. 210-211]. Отчасти ситуация повторилась через 22 года, в 1160 г. Тогда новгородцы поместили в Варваринском монастыре супругу высланного в Ладогу князя Святослава Ростиславича [Там же, с. 218]. Вероятно, это объяснялось не только сменой власти в городе, что требовало освобождения княжеских строений, но и иными обстоятельствами. Нельзя исключать того, что жена князя оказывалась в роли заложницы, и монастырь, нахождение на территории которого предоставляло человеку возможность получить право церковного убежища от политического преследования, был для этого наиболее подходящим местом. В известной мере признаки подобной формы ареста усматриваются в удалении в монастырь бывшего киевского князя Игоря [19, стб. 387]. По сути, несчастный сменил поруб на более мягкую форму «заключения». Наконец, в 1147 г. аресту и удалению в Печерский монастырь был подвергнут властный, амбициозный и неговорчивый новгородский епископ Нифонт [9, с. 352-355; 20, с. 214].

Как будто бы на причастность монастырей к выполнению пенитенциарных функций указывают и статьи Устава Ярослава относительно целого ряда преступлений, за совершение которых виновный подвергался удалению в «церковный дом» [28, с. 85-91]. Традиционно большинство исследователей вслед за Я. Н. Щаповым склонны в этом наказании видеть помещение человека в монастырь [24, с. 176]. Однако все приведённые свидетельства, как и обозначенные мнения, небесспорны и не обладают безусловной убедительностью в деле рассмотрения монастырей в качестве своего рода «тюрем» [16, с. 10-13]. К тому же ни один иной источник кроме церковных уставов, связанных с деятельностью митрополичьей кафедры, не заметил эти «церковные дома». А если учесть, что обитательницами этих «домов» должны были оказаться женщины, виновные в блудных поступках, размещение таковых лиц рядом с «христовыми невестами» видится делом сомнительным или требующим каких-то иных пояснений [2, с. 166-167]. Между тем, тот факт, что в определённых случаях церковные строения могли служить местом размещения лиц, подвергнутых наказанию, опале или нуждающихся в укрытии, не вызывает сомнения. Тем более что местом почётногo заключения князя и его семьи в условиях Новгорода в XII столетии, по крайней мере, дважды оказывались и архиерейские палаты [20, с. 209-212]. При всём уничтожении арестованных, подобные арест и ограничение свободы перемещения никак нельзя назвать обычным «заключением». С таким же скептическим настроением правомерно рассматривать и уже упоминавшиеся удаления за стены обителей Нифонта Новгородского [9, с. 352-355], князя-инока Игоря [8, с. 428-430] и новгородских княгинь.

Впрочем, ситуация может видаться ещё интересней, если принять во внимание, что помещение в обитель грозило обетами. Принятие таковых уже само по себе могло изменять, понижать, социальный статус человека, значит, служило эффективным способом выведения нежелательного лица из полноценной социальной и политической жизни. Подобные примеры хоть и немногочисленны, но вполне наглядны. В 1058 г. Ярославичи вывели из поруба и постригли в монашество своего дядю и первого претендента на Киевский стол, Судислава [19, стб. 151]. При не менее драматичных обстоятельствах принял иноческие обеты из рук епископа Евфимия и удалён в Феодоровский монастырь, смещённый с киевского стола и долгое время пребывавший в заточении, князь Игорь [Там же, стб. 387]. Наконец, аналогичным образом попытался расправиться со своим

конкурентом князь Роман Галицкий, повелевший захватить и насильственно постричь в монашество своего соперника, киевского князя Рюрика, вместе с его супругой и дочерью [11, с. 135-169; 18, стб. 420-421, 425-426].

Тем не менее, очевидно и иное. Лица, обвинённые в существенных церковных проступках, должны были где-то содержаться в целях их изоляции и ради их исправления. Примеры подобного рода прещений хорошо известны и в некоторых случаях нуждаются в пояснении, поскольку места пребывания виновных не вполне ясны. И подобных эпизодов в истории церковной пенитенциарной системы, наверняка тесно связанной с деятельностью монастырей, немало.

Под 1004 г. Никоновская летопись сообщает о том, как по воле киевского митрополита Леонта был осуждён на исправление некий странствующий инок Андриан: **«Того же лета митрополить Леонтъ посади въ темницу инока Андреяна. Укаряше бо сей церковныя законы, и епископы, и презвутеры, и иноки; и помале исправися, и прииде въ покаяние и въ познание истины, якоже и многимъ дивитися кротости его, и смиренню и умилению»** [22, с. 68]. Церковный историк А. П. Доброклонский связывал сообщение о деятельности и словах Андриана с ересью, богомилством [4, с. 59-60]. Следы этого зародившегося в Болгарии движения прослеживаются и в Киевской Руси. Они обнаруживаются не только в присутствии корпуса литературных памятников, связанных с идейными воззрениями еретиков [5, с. 471-473], но и в цикле летописных сообщений: истории уже упомянутого монаха и в сообщениях о ряде восстаний, охвативших Белоозеро, Ростовские земли и Новгород в 1071 г. [12, с. 32-52; 19, стб. 164-171; 27, с. 113-130; 29, с. 101-134]. Во всяком случае, то, как прочитываются речи опального инока, а значительно позже и волхвов, позволяет увидеть в действиях Андриана, а также в словах вождей мятежников признаки богомилского мировоззрения [1]. Поэтому принятые против Андриана меры должны были соответствовать тем, что применялись в Византии против лиц, обвинённых в ереси. В империи преступления против веры нередко рассматривались в качестве уголовных правонарушений. В итоге, обвиняемые Церковью могли быть подвергнуты со стороны государства существенному поражению гражданских прав, а также аресту и тюремному заключению [2, с. 139-146; 14, с. 184-187]. При этом правоприменительная практика соответствовала нормам инквизиционного трибунала, предполагавшего, что обвинительное заключение Церкви поддерживалось наказанием со стороны государства. Т.е. местом удержания еретика служили не монастыри, а государственные темницы. Именно этим можно объяснить тот факт, что в период борьбы с «жидовствующими» (XV в.) сторонник крайне жёстких наказаний в отношении вероотступников Иосиф Волоцкий и его приверженцы выступали с категорической критикой заключения преступников в монастыри, что не соответствовало нормам византийского права, превращая обители в темницы [31, с. 95]. Таким образом, есть основания полагать, что темница, в которую по воле митрополита Леона был помещён Андриан, скорее всего, принадлежала не Церкви, а князю. А значит, усматривать в этом заточении удаление строптивного инока в монастырь не представляется возможным. Более того, в домонгольский период даже археологическое присутствие на территории монастырей каких бы то ни было тюрем или помещений, призванных ограничить свободу находившихся в них лиц, никак не прослеживается.

Не менее интересен уже затрагивавшийся пример пострига князя Судислава, просидевшего 24 года в порубе по воле своего брата, а после его смерти родных племянников [19, стб. 151]. И всё же в этом случае ни о каком монастырском заключении говорить не приходится. Выведение Судислава из поруба и принятие им иночества указывали на то, что в понимании всех участников произошедшего – черноризские обеты, во-первых, смягчали участь несчастного, во-вторых, представляли тому *большую* свободу и, в-третьих, без применения излишнего насилия «безболезненно» выводили старейшего в роду князя из политической жизни Руси. Вероятно, что в своих действиях Ярославичи ориентировались на византийскую практику, не пренебрегавшую в борьбе за власть в том числе и помощью Церкви через возложение на «выю» политического конкурента иноческих обетов [26, с. 385-388]. Впрочем, остаётся загадкой иное – где завершил свои дни этот несчастный Владимирович. Летописание не даёт каких-либо указаний о месте дальнейшего пребывания Судислава: был ли это его собственный дом или же он пребывал в каком-либо из монастырей. Однако в записи под 1063 г. летописец не преминул сообщить о смерти князя-инока и о месте его погребения, **«церкви святого Георгия»** [19, стб. 152], входившей в комплекс митрополичьего двора и Софийского собора Киева [8, с. 232-237]. Учитывая, что при ней же находился и монастырь, можно предположить, что именно в этой обители Судислав и пребывал, встретив здесь свою смерть. Тем не менее, рассматривать пребывание Судислава в стенах святого Георгия как полноценное заключение было бы не верно. Более того, учитывая специфическое положение последнего Владимировича, лишённого земель и княжеского состояния, статус Судислава можно сравнить с изгойством, допускавшим введение человека в круг церковных людей или подразумевавшим широкую церковную опеку над ним. Изгойство, предполагавшее потерю человеком своего прежнего социального статуса, в целом хорошо изучено [13, с. 30-42; 30, с. 460-472; 32, с. 119-123]. В известной мере оно применимо и к князьям [17, с. 206-214]. Правда, в случае Судислава, вероятно, приходится иметь дело с особой, крайне редко встречавшейся ситуацией, описанной В. О. Ключевским, с возникновением «богадельного» княжеского изгойства [10, с. 269-270]. Несомненно, всё перечисленное лишний раз подтверждает то, что помещение в монастырь не предоставляло особых свобод и прав и даже в существенной мере поражало таковые. Однако это и не было тюремным заключением.

Столь же значимы аресты и удержания в Киеве нескольких архиереев: новгородских епископов Луки Жидяты [15, с. 146-152; 20, с. 182-283; 21, с. 118-120] и Нифонта [9, с. 352-355; 20, с. 214], туровского святителя Иоакима [3, с. 131-134; 18, стб. 314] и любимца Андрея Боголюбского Феодора (более известного как

Феодорец) [18, стб. 355-357]. Все эти истории разбросаны во времени и связаны с различными обстоятельствами. Столь же примечателен сохранённый в Никоновской летописи отказ новгородцев выпустить прибывшего к ним с примирительными целями киевского митрополита Михаила [22, с. 158-159]. Оказавшись в Новгороде, русский первоиерарх попытался вмешаться в противостояние Новгорода с Суздаlem. Недовольные этим шагом горожане, поддержанные князем, не только не допустили такого посредничества, но и отказались выпускать Михаила из города.

Впрочем, при том, что перечисленные архипастыри хоть и в разной мере испытали на себе тяжесть удержания, однозначно утверждать о причастности монастырей к их заключению не представляется возможным. Достоверно известно лишь о пребывании в Печерском монастыре Нифонта Новгородского, что подтверждается как летописными, так и агиографическими источниками. Что же касается всех остальных архипастырей, то о месте их удержания ничего не известно. Правда, в случаях епископов Иоакима и Феодора, имя первого из которых после ареста более не появлялось в источниках, а последний был подвергнут экзекуции и жестокой казни, предъявленные к обоим епископам обвинения имели политический характер. В итоге нельзя исключать того, что жизнь упомянутых лишённых кафедры святителей, скорее всего, находилась в распоряжении княжеской власти. Сомнительным представляется и пребывание в каком-либо из монастырей Новгорода русского первосвятителя Михаила. Его статус и причины возложенных на него и его людей ограничений, скорее всего, предполагали более удобное размещение первоиерарха либо в княжеских, либо в епископских покоях, которые в свою очередь ещё не раз послужат местом почётногo заточения местных новгородских князей.

Не в пользу существования монастырского заключения свидетельствует и арест Авраамия Смоленского, страдания которого, по мнению составителя его жития, стали результатом недоброй ревности его братьев к популярности святого. Подробное описание совершённого над Авраамием церковного суда и дальнейшего заключения праведника не содержат никаких указаний на то, что страдалец был томим в монастыре. Вероятно, местом пребывания Авраамия всё же была княжеская темница. Иное дело, что охранявшая Авраамия стража выполняла волю епископа и его суда [6, с. 30-65].

Более сложной видится ситуация насильственного пострига и размещение в монастырях князя Рюрика, его супруги и дочери. При том, что находившийся под клятвами смещённый киевский князь не мог покинуть обитель при жизни своего милосердного и коварного врага Романа, после смерти обидчика – никто не помешал Рюрику «сорвать» с себя иноческие одежды. Столь же свободной была и супруга, однако ей помешали оковы собственной веры [11, с. 135-169; 18, стб. 420-421, 425-426].

Примечательно, что помещение в монастырь не оговаривается ни в одном княжеском уставе Церкви и ни в одном древнерусском каноническом своде этого периода: ни в ответах митрополитов Георгия и Иоанна, ни в Вопрошании Кирика. Принимая во внимание, что в анализируемый период многие обители обладали правами канонической автономии, их насельники были представлены выходцами из свободных и знатных слоёв древнерусского общества, а внутренняя дисциплина внутри большинства иноческих общин оставляла желать лучшего, вывод о возможном возложении на монастыри полноценных пенитенциарных функций уже в домонгольский период видится более чем неоправданным. Не менее показательно житие преподобного Феодосия, рассказывающее о том, что преподобный Феодосий практически всегда был снисходителен к попадавшим в руки иноков разбойникам и всякий раз освобождал их, а созданный им монастырь еженедельно, каждую субботу, отправлял воз продуктов для находившихся в темницах [7, с. 362-363]. Последнее ясно указывает на то, что на территории обители узников не было.

Впрочем, последнее не исключало того, что в более позднее время, уже с середины XII в., некоторые монастыри, упоминавшиеся Печерский, Феодоровский и какие-то иные, стали местом «удержания» отправлявшихся в них иерархов и представителей княжеской власти. Вероятно, это объяснялось целым комплексом причин: 1) ктиторским характером обителей, позволявшим донаторам использовать монастырские помещения для удержания в них почётных пленников; 2) влиянием византийских правовых практик; 3) ростом церковного сознания в княжеской и боярской среде, существенно ограничивавшему проявлению жестокости в отношении, по крайней мере, знатных пленников; 4) осознанием особого статуса монастырей и храмов, обладавших правом защиты находившихся на их территории преступников, что также делало положение узника более выгодным; 5) несравнимо более лучшими условиями содержания помещённых в обители лиц. Если же принять во внимание то обстоятельство, что главная задача заключения – ограничение перемещения и общения виновного, то даже сам постриг, изменявший социальное положение личности, лишал человека влияния и без применения какого-либо дополнительного усилия ставил того перед необходимостью самостоятельного отказа о прежней свободы действий. В условиях господства религиозного сознания в применении подобных мер вполне справедливо усматривать черты своеобразной христианской средневековой «гуманности».

Список литературы

1. **Ангелов Димитар.** Богомилство в Киевской Руси [Электронный ресурс]. URL: http://nordxp.3dn.ru/gnosis/d-angelov-bogomilstvo_v_kievskoj_rusi.pdf (дата обращения: 05.04.2016).
2. **Гаген С. Я.** Византийское правосознание IV-XV вв. / отв. ред. И. П. Медведев. М.: Юрлитинформ, 2012. 304 с.
3. **Гайденок П. И.** Священная иерархия Древней Руси (XI-XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М.: Университетская книга, 2014. 212 с.

4. **Доброклонский А. П.** Руководство по истории Русской Церкви. М.: Крутицкое патриаршее подворье; Общество любителей церковной истории, 2001. 936 с.
5. **Жаворонков П. И., Турилов А. А.** Богомилство // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2002. Т. 5. С. 471-473.
6. **Житие Авраамия Смоленского** // Библиотека литературы Древней Руси: в 20-ти т. / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. Т. 5. XIII век. С. 30-65.
7. **Житие Феодосия Печерского** // Памятники литературы Древней Руси: XI – начало XII века / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. М.: Художественная литература, 1978. С. 305-392.
8. **Каргер М. К.** Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города: в 2-х т. / ИА АН СССР; отв. ред. Н. Н. Воронин. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 2. Памятники киевского зодчества X-XIII вв. 661 с.
9. **Киево-Печерский Патерик** // Библиотека литературы Древней Руси: в 20-ти т. / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. Т. 4. XII век. С. 296-489.
10. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1989. Т. 6. Специальные курсы: курс лекций. 476 с.
11. **Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.** Насильственный постриг княжеской семьи в Киеве: от интерпретации обстоятельств к реконструкции причин // Средневековая Русь / отв. ред. А. А. Горский. М.: Индрик, 2012. Вып. 10. К 1150-летию зарождения российской государственности. С. 135-169.
12. **Мавродин В. В.** Народные восстания в Древней Руси. XI-XIII вв. М.: Соцэкгиз, 1961. 118 с.
13. **Майоров А. В.** Социологические особенности древнерусского изгойства // Наукові праці Історичного факультету Запорізького державного університету / ред. кол.: Ф. Г. Турченко (та ін.). Запоріжжя, 1993. Вип. 1. С. 30-42.
14. **Максимович К. А.** Право и Церковь (Византийская империя) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2004. Т. 8. С. 181-192.
15. **Мильков В. В.** Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята // Россия XXI. 2009. № 2. С. 116-155.
16. **Нарышкина Н. И., Головкин Р. Б.** Функционирование тюрем в России и Европе в X-XV вв. М.: Юрлитинформ, 2013. 184 с.
17. **Пестерев В. В.** «А се четвертое изгойство и себе приложим...» в Уставе князя Всеволода // Новгородика – 2012. У истоков российской государственности: материалы IV Междунар. науч. конф. (24-26 сентября 2012 г.): в 2-х ч. / сост. Д. Б. Терешкина и др.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2013. Ч. 1. С. 206-214.
18. **Полное собрание русских летописей:** в 43-х т. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 1. Лаврентьевская летопись. 496 с.
19. **Полное собрание русских летописей:** в 43-х т. М.: Языки славянской культуры, 2001. Т. 2. Ипатьевская летопись. 648 с.
20. **Полное собрание русских летописей:** в 43-х т. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 3. Новгородская летопись старшего и младшего изводов. XII+720 с.
21. **Полное собрание русских летописей:** в 43-х т. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. 728 с.
22. **Полное собрание русских летописей:** в 43-х т. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. 288 с.
23. **Пругавин А. С.** Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (к вопросу о веротерпимости): с крит. замеч. духов. цензора. М., 1905. 132 л.
24. **Российское законодательство X-XX веков:** в 9-ти т. М.: Юридическая литература, 1984. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. 432 с.
25. **Сидоркин А. И.** Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы, в русском уголовном законодательстве IX-XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения: автореф. дисс. ... д.ю.н. Казань, 2005. 52 с.
26. **Соколов И. И.** Состояние монашества в Византийской церкви с середины IX до начала XIII века (842-1204): опыт церковно-исторического исследования / вступ. статья Г. Е. Лебедевой. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. 464 с.
27. **Тихомиров М. Н.** Крестьянские и городские восстания на Руси XI-XIII вв. // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. С. 42-232.
28. **Устав князя Ярослава о церковных судах:** пространная редакция. Основной извод // Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. / сост. Я. Н. Шапов; отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1976. С. 85-91.
29. **Фроянов И. Я.** Древняя Русь IX-XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2012. 1088 с.
30. **Фроянов И. Я.** Начала русской истории. Избранное / отв. ред. Ю. Г. Алексеев. М.: Изд. дом «Парад», 2001. 976 с.
31. **Шаляпин С. О.** Церковно-пенитенциарная система в России XV-XVIII веков. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. 240 с.
32. **Юшков С. В.** Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М. – Л.: АН СССР, 1939. 254 с.

DEBATABLE ASPECTS OF MONASTIC “RETENTION” IN PRE-MONGOLIAN RUS

Gaidenko Pavel Ivanovich, Doctor in History, Associate Professor
Kazan National Research Technological University
prof.gaydenko@rambler.ru

Old Russian monasteries performed many different functions from the first decades of their origin. Among a great number of duties that were imposed upon the conventual communities, penitentiary functions are of special importance: retention in the monasteries of certain representatives of the clergy and the prince's clan. However, if in relation to the XV-XIX centuries this sphere of the Russian Church's activity is well investigated, than in relation to the pre-Mongolian period this issue is still under study. The article aims to examine certain debatable aspects of Old Russian monasteries' activity regarding the retention of noble prisoners.

Key words and phrases: Old Rus; Old Russian monkhood; canonical law in Old Rus; monastic imprisonment in Rus; penitentiary practices in Rus; church court in Old Rus.